О.А. Фокина, аспирантка кафедры периодической печати факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: oa.fokina@yahoo.com

ОСВЕЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ КАК ИНДИКАТОР КАЧЕСТВА РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ В ОБЩЕРОССИЙСКИХ СМИ

Автор рассматривает состояние региональной повестки дня в общероссийских СМИ, обосновывает ее критическую оценку. В основу статьи положены результаты проведенного автором контент-аналитического исследования, отразившего характер освещения чрезвычайного происшествия в станице Кущевская столичными газетами и ведущими информационными агентствами (9 источников, 723 документа). Исследование позволило выявить как традиционные подходы, так и ряд новых качественных характеристик, квалифицируемых автором как возможные пути оптимизации региональной информационной политики общероссийских СМИ.

Ключевые слова: *региональная повестка дня, общероссийские газеты, информационные агентства, насилие, чрезвычайное происшествие.*

The author analyses the regional agenda in Russian national media and proves that the coverage of regional problems is limited and sometimes biased. The article is based on the author's content analysis research (9 media outlets, 723 items). The research was done on the approaches to coverage of emergency events in Cossack village Kuschevskaya, Russia. The research revealed not only traditional media representations of regional problems but also new quantity characteristics of media representations. The author sees using the new approaches to regional agenda as a way of positive improvement in regional communication policy.

Key words: *regional agenda, Russian national newspapers, news agencies, violence, emergency event.*

Содержание современных российских СМИ является объектом пристального внимания и нередко вызывает острую критику со стороны общества, институтов, граждан. Среди множества причин, обусловливающих негативные оценки, можно выделить диспропорциональное внимание к жизни различных регионов страны в информационных приоритетах столичных изданий. Проблема отражает реально существующие территориальные противоречия, но не только. Не менее существенны дисфункции, которые характерны для информационной политики общероссийских СМИ в целом и имеют множество различных проявлений. Рассмотренное в данной статье событие имело громкий общественный и медийный резонанс, позволивший осуществить анализ названной проблемы, а также выявить некоторые тенденции ее развития. Обращение к историческим истокам помогает прояснить ее сущность.

Оппозиция «центр—регионы», «центр—периферия», или «столица—провинция» формировалась в России на протяжении многих веков. Административные реформы Петра I закрепили разделение страны на столичную и нестоличные территории. Тогда же в языковой обиход вошел и сам термин «провинция» как обозначение единицы территориально-административного деления. В конце XVIII в. петровская территориальная организация Российской империи была упразднена, а слово «провинция» стало использоваться для обозначения нецентральных, удаленных от столиц местностей. Слово стало обретать оценочную окраску, вызывая негативные коннотации и уравниваясь в значении с понятиями «отсталость», «ветхость», «мещанство», «глупость» и т.д. Образ провинциала нередко становился предметом иронии некоторых литераторов и общественных деятелей (несмотря на то что зачастую и столичные жители не являлись образцом духовности, образованности, поведенческой культуры), а все столичное преподносилось как идеальное [Инюшкин, 2004].

Впрочем, в русской культуре дихотомия «столица—провинция» всегда была предметом неоднозначного восприятия и противоречивых оценок. Так, А.С. Пушкин симпатизировал «деревне» как месту отдохновения от столичной суеты, как способу восполнить истощенные духовные и творческие силы. И.С. Тургенев описал провинцию как место дворянских гнезд и среду интенсивной духовной жизни их обитателей. Были и те, кто показал жизнь провинции в сатирическом и трагическом ключе (М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Решетников). Зарисовки быта провинциалов ужасали и возмущали столичную общественность, но никаких шагов для «окультуривания» жителей нестолиц (хотя и Москву петербуржцы считали провинцией) не предпринималось. Тем не менее многие мыслители и XIX, и XX вв. (например, Л.Н. Толстой, Д.С. Лихачев [Лихачев, 2007]) полагали, что только в провинции рождается и воспитывается русская духовность, а столицы и государство как институт пользуются ее плодами.

Столица и нестолица различались не только по своему административно-правовому положению и уровню политического, экономического, социального и культурного развития, но и ментально. У центра и провинции были разные стили мышления и образы жизни, часто прямо противоположные друг другу. И тогда же стало очевидно, что без грамотной политики регионального развития не удастся сохранить территориальную и духовную целостность страны. Русские мыслители (в частности, Н.А. Бердяев) предупреждали о том, что «незрелость провинции и гнилость государственного центра» [Бердяев, 2008, с. 83—86] разделяют страну на полюса, сблизить или хотя бы свести вместе которые с течением времени становится все сложнее.

С тех пор Россия успела пережить смену нескольких государственных формаций, но антиномия «центр—регионы», «столица—провинция» не преодолена до сих пор. Напротив, с течением времени дифференциация лишь усугубляется — в постсоветское время разрыв, регулировавшийся сдерживаемым оттоком населения из областей и справедливо признанный незаконным, увеличился. Разумеется, дезинтегрированность территорий, неравномерность в их развитии объясняется не только неэффективными программами внутреннего развития, но и объективными географическими, климатическими, культурными различиями. Н.А. Бердяев подчеркивал, что в нашей стране существует «несколько исторических и культурных возрастов, от раннего средневековья до XX века <...> Россия — страна великих контрастов по преимуществу — нигде нет таких противоположностей высоты и низости, ослепительного света и первобытной тьмы» [Бердяев, 2008, с. 83].

Центральная власть пока не в состоянии преодолеть сложившиеся исторически аномально сильные диспропорции — региональная политика государства по-прежнему остается скачкообразной, нестабильной и не ориентированной социально [Зубаревич, 2009]. Не останавливаясь на этом вопросе подробно, укажем, что большинство специалистов в оценках региональной политики сходятся на том, что лучшее, что может сделать государственная власть сейчас, — не стремиться выровнять регионы, осуществляя точечные и разовые вливания, а реализовывать программы, нацеленные на развитие уникального потенциала каждой территории в рамках единого государственного проекта [Лексин, Швецов, 2009].

Немалую роль в катастрофической разобщенности регионов играют и средства массовой информации, в частности газеты, имеющие себя «общероссийскими». Эти СМИ, как указывает И.Д. Фомичева, призваны охватывать «рассредоточенных людей и общности для общения, получения, обмена информацией», организовывать «данный вид социального общения с расчетом на позитивные эффекты», выявлять информационное неравенство и «удовлетворять потребности, интересы различных социальных субъектов и представленность этих интересов в контенте», постоянно цементировать и регулярно освежать «те социально сцепляющие механизмы, которые позволяют сохраняться существующим общностям» [Фомичева, с. 42—69].

Однако, как отмечают исследователи, общероссийские газеты уже долгое время не выполняют такие функции и не могут сформировать единого информационного пространства в России [Типология периодической печати, 2007], а их «общероссийскость» отражена только в формальном названии, но не в характере контента. «Случайность отбора материалов из регионов, незнание жизни в них,

“глухота” к ним» [Реснянская, Фомичева, 1999, с. 71] влекут за собой радикальную регионализацию российской прессы и полный обрыв вертикальных и горизонтальных связей в стране. Информация в общероссийских газетах идет сверху вниз, т.е. регионам рассказывают о столице (мы не учитываем региональных вкладки таких изданий), хотя логично было бы, чтобы в большинстве изданий процесс шел снизу вверх, т.е. провинция могла бы рассказать сама о себе столичным жителям.

Проведенное нами ранее контент-исследование[1] подтвердило наличие проблемы: региональные проблемы зачастую оказываются исключенными из общенациональной повестки дня, а если и присутствуют в ней, то выявляется неполнота и случайность региональной повестки, тематические диспропорции, несбалансированность в персонификациях, неоправданная селективность информационных поводов, преобладание негативизма в ключевых оценках и посланиях, информационное неравенство регионов в медиапрезентациях и др. Слабость информационных связей и по вертикали (столица—регионы), и еще больше по горизонтали (регион—регион) создает медиаобраз некоей terra incognita, в которой живут маргинальные, малообразованные, склонные к девиантному поведению люди, оказавшиеся на обочине процессов, активно обсуждаемых в СМИ [Глазычев, 2005]. Эффект, который производят медиа, освещая жизнь регионов, приближается к дисфункциональному.

Конечно, в российской прессе есть исключения из описанной выше закономерности (например, традиционно сильные в этом отношении позиции «Независимой газеты», практика журнала «Русский репортер», расширяющееся региональное пространство в новых продуктах информационных агентств [Фокина, 2011]), но, к сожалению, большая часть СМИ не стремится к коррекции региональной повестки дня. По-видимому, редакторы общероссийской прессы считают, что такая проблематика не представляет особого интереса для аудитории. Тем не менее, как мы знаем, не только спрос рождает предложение, но и наоборот. Но такое возможно лишь при условии, что медиа начнут реализовывать свои социальные функции в полном объеме. А пока вывести российскую провинцию из «первобытной тьмы» (хотя бы в информационном понимании), о которой говорилось еще в начале XX в., не удается даже в XXI столетии.

Привлечь внимание общероссийских СМИ, издающихся в столице и ориентированных в основном на столичного потребителя, к регионам удается при помощи лишь особых информационных поводов, к которым относятся чрезвычайные ситуации: природ-

[1] См.: *Фокина О.А.* Медиаобраз российской провинции. М., 2009 (дипломный проект).

ные и техногенные катастрофы, социальные катаклизмы (убийства, волнения, драматические истории), воздушные и дорожные происшествия. Для СМИ такие события являются мощнейшим информационным импульсом, рождая адреса-символы (например, «Кондопога», «Саяно-Шушенская ГЭС», «Распадская», «пожары лета 2010 года»). Мимо подобных ситуаций просто нельзя пройти, и они становятся достоянием гласности, а следовательно, и предметом публичного обсуждения.

При освещении подобных тем журналисты, как правило, не принимают во внимание, что за любой чрезвычайной ситуацией стоит социальная проблема, и глубинные процессы, происходящие в жизни страны, оказываются вновь и вновь незамеченными, непонятыми, неотрефлексированными обществом, а следовательно — консервирующими условия для их повторения. СМИ жаждут сенсационных деталей, ярких фактов, рассказов очевидцев, не публикуя, как правило, глубоких аналитических материалов. Зачастую вопросы типа «почему это произошло?», «какими будут последствия?» и «как максимально снизить негативный эффект?» преднамеренно или неумышленно вообще не поднимаются в материалах. Журналист либо не осознает, что именно на эти вопросы он должен дать ответ читателю в первую очередь, либо не может ответить на них из-за своей некомпетентности, внутренней политики редакции или в силу других причин.

Не секрет, что за каждой отдельной чрезвычайной ситуацией стоит ряд подобных. Тем не менее журналисты редко поднимаются до уровня обобщения и предъявления контекста своей аудитории, поскольку поиск аналогов текущей ситуации — достаточно трудоемкий и кропотливый процесс. В условиях постоянной новостной текучки журналисту часто не хватает времени (и подготовки) для того, чтобы найти параллели между настоящей ситуацией и произошедшими ранее, рассказать о них своим читателям, а уж тем более показать их проблемный срез. Нередко при освещении чрезвычайных происшествий корреспондентам не удается дать понять аудитории, где в публикациях факты, где — догадки и слухи, а где — личное мнение автора. Из-за незнания среды и контекста для журналиста оказывается невозможным движение «от конкретной версии к общей проблеме и наоборот» [Чрезвычайная ситуация на страницах газет, 2002, с. 123].

Подобная стратегия освещения чрезвычайных ситуаций ведет к непониманию сути происходящего; ситуация искажается и обрастает домыслами; проблема, стоящая за ЧП, остается по-прежнему нерешенной. Как следствие этого, каким бы громким и масштабным ни было событие, ему не удается привлечь внимание СМИ на достаточно длительный период. Обсуждать глубоко и по существу

проблемы такого плана большинство российских медиа не умеют (и, что очевидно, не хотят учиться), а новые подробности довольно быстро иссякают. Про конкретное ЧП забывают в худшем случае навсегда, в «лучшем» — до нового ЧП такого же рода, чтобы на его примере лишний раз продемонстрировать, что «в стране все плохо». Разумеется, такая ситуация характерна не только для презентации региональных ЧП, однако в силу особой информационной «запущенности» провинции последствия некомпетентного освещения здесь проявляются особенно наглядно.

Продолжая тему, следует принять во внимание еще одно обстоятельство. Для российского общества и средств массовой информации болезненно актуальна проблема насилия: в повестке дня насилие представлено как алгоритм отношений в межличностном пространстве, между гражданами и институциональными структурами, между структурами разных уровней и проч., и проч. Насилие в России стало тотальным, его формы бесконечно разнообразны. К насилию привыкли, воспринимают его как норму взаимоотношений и признают действенным механизмом разрешения всевозможных проблем. Отсутствие или слабость средств социального контроля фактически привели к одобрению насилия, к признанию его неизбежности.

Провинция — территория массового привычного насилия, что, в свою очередь, можно рассматривать как сигнал особого неблагополучия в этой среде. Насилие давно стало здесь системным явлением. Локальные проблемы накапливаются и замалчиваются, перерастая в глобальные конфликты. Местное управление так и не обрело законных современных демократических форм, а его представители — должных инструментов для их реализации [Государственно-территориальное устройство России, 2003; Умнова, 2000]. Функции местного управления замещает саморегулирование, — но не то, о котором только мечтает литеральная общественность, а саморегулирование в обход законодательства: зачастую все решается просто «по праву сильного». Соответственно весь комплекс общественных отношений — от властных до бытовых — деформирован.

Разумеется, проблема защиты от насилия и охраны своих прав стоит не только перед жителями провинции, но и перед населением столичной агломерации, но здесь близость к федеральным властям заставляет правовые институты работать хотя бы с некоторой эффективностью. Но чем большее расстояние отделяет населенный пункт от Первопрестольной, тем меньше возможностей у простых граждан защитить свои права и интересы и тем больше возможностей для произвола у местных властей и криминальных структур. По мнению исследователей, в регионах России «есть огромные риски для криминализации всех сфер жизни» [Чрезвычайная си-

туация на страницах газет, 2002, с. 120], и это еженедельно подтверждается сообщениями в СМИ о новых и новых трагедиях.

Одним из примеров феноменального и уникального даже для России уровня насилия в обществе стали события в станице Кущевская Краснодарского края, к которым вновь и вновь возвращается пресса. Пятого ноября 2010 г. в частном доме в станице были обнаружены тела 12 убитых. Четверо из погибших были детьми. Непосредственных виновников установили довольно быстро: «цапки» были известны всей станице. Они стали фактическими ее хозяевами, установив собственные правила жизни, которым подчинялись и местные власти, и правоохранительные органы, и население. Преступная группировка годами под угрозой расправы отбирала у местных жителей земли для агрохолдинга (им управляли главари банды), имела «охранное» предприятие, в действительности готовившее бойцов для криминальной структуры, насиловала и убивала.

В процессе анализа журналистских текстов, посвященных событию, его причинам и последствиям, удалось обнаружить как черты традиционного, описанного выше подхода к освещению чрезвычайных ситуаций, так и новые проявления в медийном пространстве, которые заслуживают особого внимания.

Событие стало одним из самых знаковых в жизни страны в 2010 г. и получило небывалый общественный резонанс. Никогда прежде отдельное событие не привлекало столько внимания СМИ. По данным опросов фонда «Общественное мнение»[2], самым громким происшествием 21% опрошенных назвал убийства в Краснодарском крае. По данным компании «Медиалогия» (исследование проведено по заказу «Независимой газеты»), происшествие получило 8 место в рейтинге самых заметных событий года по количеству публикаций и 10 место по значимости публикаций[3]. Группа компаний «Интегрум» также отметила особое место Кущевской как локального тренда в СМИ Российской Федерации: по данным исследования, Кущевка оказалась по количеству публикаций на пятом месте после проекта «Сколково», переписи населения, программы утилизации машин и терактов в московском метро[4].

Кущевская стала для СМИ «окном в провинцию», а затем и именем нарицательным, символом для обозначения комплекса

---

[2] Фонд «Общественное мнение». Проект «Доминанты. Поле мнений». 2010. http://bd.fom.ru/map/dominant/dominant2010

[3] См.: *Самарина А.* Земля горела не только под ногами мэра. Топ-десятка самых заметных событий года в политике и социальной сфере. // Независимая газета. 2010. 7 декабря. http://www.ng.ru/ng_politics/2010-12-07/9_top_10.html

[4] Освещение тем и событий 2010 г. в СМИ Российской Федерации. Аналитический рейтинг. Интегрум. 2010. 29 декабря. http://www.integrum.ru/Images/articles_author/analitika1/trends2010_ru_december.pdf

сложнейших общенациональных проблем. Даже спустя полгода после трагедии СМИ, публикуя материалы о коррупции, неэффективности властей или органов МВД, постоянно возвращаются к Кущевской. Произошедшие следом за ней разоблачения криминальных структур в Гусь-Хрустальном и Ставропольском крае получили условные названия «Кущевка-2» и «Кущевка-3».

Исследованный нами массив составили 723 текста с сайтов информационных агентств «РИА Новости» (290), «Интерфакс» (71) и Regnum (52) и интернет-версий качественных изданий («Российская газета» (84), «Независимая газета» (69), «Новая газета» (55), «Ведомости» (49), «Известия» (33) и «Коммерсантъ» (20)) в период с 5 ноября 2010 г. по 15 января 2011 г.

Для изучения жанровых характеристик текстов мы использовали только публикации в газетах. Однако нельзя не отметить тот факт, что даже информационные агентства попытались подняться до аналитики и предоставить аудитории, если не чисто аналитические публикации, то хотя бы информационные с элементами аналитики. Что касается периодических изданий, то в них жанровая картина выглядела следующим образом. Во всех без исключения СМИ доминировали различные виды новостных сообщений. Наибольший процент новостных материалов представили своим читателям «Коммерсантъ» (90% от всех публикаций) и «Российская газета» (89%). Самый низкий — «Ведомости» (57%) и «Известия» (75,5%). Соответственно наивысший процент новостных текстов с элементами аналитики и собственно аналитических был в «Ведомостях» (43%), «Известиях» (24,5%) и «Независимой газете» (22%). «Коммерсантъ» и «Российская газета» представили в аналитическом ракурсе по 10% и 11% текстов соответственно. Заметный процент аналитических публикаций свидетельствует о том, что за единичной локальной сенсацией издания увидели целый кластер общероссийских проблем и аргументированно доказали аудитории, что подобные проявления насилия, особенно в регионах, угрожают не только жителям Кущевки, но и всем россиянам.

Особого внимания заслуживает «Новая газета». Несмотря на то что соотношение информационных и аналитических жанров в ней составило 80/20, необходимо отметить особое качество ее репортажей, которые составили свыше 70% всех новостных материалов по теме. Детали, показанные читателю в них, порой были гораздо красноречивее комментариев экспертов. Репортажи с места событий могли увидеть также читатели «Известий» и «Российской газеты», процентный состав которых был равен примерно 9—12% от всех новостных материалов в этих изданиях. Публикации в данном жанре дали аудитории «услышать» простых жителей Кущевской, выявили их глубочайший психологический дискомфорт, а кроме

того, раскрыли те стороны жизни станицы, о которых другие издания в лучшем случае упоминали мельком (в частности, изнасилования девушек в Кущевской, «воспитательные работы» бандитов с беспризорниками и др.).

В «Ведомостях» репортажей не было, однако газета почти сразу стала писать о происшествии в аналитическом ключе, собирая мелкие детали воедино и заставляя читателей задуматься над ключевыми вопросами «как такое стало возможно?» и «что будет с россиянами дальше?».

Аналитика «Независимой газеты» во многом коррелировала с открытиями, сделанными в репортажах «Новой». Репортажи «Российской газеты» в основном ограничились описанием работы сотрудников Следственного комитета на месте происшествия и федерального аппарата МВД в целом. Что касается «Коммерсанта», то, на наш взгляд, единственным особо примечательным материалом в нем оказалось интервью с Надеждой Цапок[5], матерью главаря банды и гендиректора того самого холдинга «Артекс-Агро», на который рабски трудились жители станицы и ее окрестностей. Отметим, что никаких сенсационных заявлений в интервью сделано не было, однако газета посчитала возможным передать версию произошедшего обвиняемой, а не только пострадавшей стороны.

Рассмотрев жанровые особенности текстов — на наш взгляд, они достаточно симптоматичны для предположений о наметившейся динамике в освещении региональных проблем, — обратимся к содержанию публикаций, представив составляющие их проблемно-тематические аспекты в порядке частоты (интенсивности) диагностирования проблем. В этом рейтинге первое место заняла проблема *общей криминализации* социума, институтов местной власти и органов правопорядка. Максимальный процент публикаций (69,5%) на эту тему вышел в «Независимой газете», минимальный — в «Новой». Говоря об этом, каждое СМИ испытывает потрясение от масштабов проникновения криминала во все сферы жизни кущевского общества и переводит проблему с регионального («*Идет передел не просто земли... здесь идет самоутверждение криминала на Кубанской земле*»[6]) на общенациональный уровень («*Смертная казнь в России не отменена, но перестала быть монополией государства, как и "легитимное" насилие в целом*»[7], «*Криминал не просто перехватывает рычаги управления страной, он проник в сознание*

[5] См.: *Перова А.* «Когда про меня пишут, что я сидела и планировала убийства, — это странно». Мать главного обвиняемого в убийстве 12 человек в Кущевской дала интервью «Ъ» // Коммерсантъ. 2010. 2 декабря. http://www.kommersant.ru/doc/1549897

[6] См.: *Снегирев Ю.* Пойман вожак кущевских волков // Известия. 2010. 16 ноября http://izvestia.ru/news/368107

[7] *Леонид Никитинский.* Двоемыслие и криминальная эволюция // Новая газета. 2010. 15 декабря. http://www.novayagazeta.ru/data/2010/141/00.html

большинства граждан»[8], «*...Это далеко не частный случай. Это типичная картина уголовного геноцида против населения России, который происходит на протяжении десятилетий*»[9]).

Потрясенные тем, что вопиющие нарушения закона продолжаются в Кущевской (да и наверняка не только в ней) далеко не первый год, СМИ пытаются разобраться, что более страшно — реализованная возможность единичного массового убийства или состояние смертельной запуганности и беззащитности общества: «*Даже непонятно, что ужаснее — безжалостные убийцы... или обстановка полнейшей безнаказанности, такой, что даже дома жители станицы... не чувствовали себя в безопасности*»[10].

На втором месте в рейтинге стоит проблема *сращения местных органов правопорядка с криминальными структурами*. Максимальный процент публикаций на эту тему выпустила газета «Коммерсантъ» (75%), а минимальный — «Независимая газета» (18%). Остальные медиа акцентировали проблему в 20—40% текстов. Собственно, писали СМИ вполне характерные для такой темы вещи: «*Надо искать причины... в том, что руководство, милиция попустительствовали, крышевали и получали прибыль*»[11], «*...Нет в Кущевской веры в милицию... Принцип неотвратимости наказания ОПГ взяла на вооружение успешнее правосудия*»[12]. Или: «*Трагедия в станице Кущевской стала возможной в результате системной коррупции в правоохранительных органах, ослабления внутриведомственного контроля за сотрудниками и отсутствия действенных полномочий у общественных советов, созданных при региональных структурах МВД*»[13]. Кроме того, СМИ придали этому региональному аспекту проблемы и общероссийский уровень: «*Кущевская оказалась слепком общероссийских отношений органов правопорядка с населением, иллюстрацией безнаказанности, высочайшего уровня коррупции и халатности...*»[14].

---

[8] Член ОП предложил разработать национальный план борьбы с преступностью / Агентство РИА «Новости». 2010. 9 ноября. http://rian.ru/society/20101109/294342461.html

[9] Обращение Общественной палаты к президенту России. Убийство 12 человек — «это типичная картина уголовного геноцида против населения России» // Независимая газета. 2010. 17 ноября. http://www.ng.ru/politics/2010-11-17/2_obrashenie.html

[10] *Харатьян К.* Цитата недели // Ведомости. 2010. 23 ноября. http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/250231/citata_nedeli

[11] *Снегирев Ю.* Пойман вожак кущевских волков // Известия. 2010. 16 ноября. http://izvestia.ru/news/368107

[12] *Снегирев Ю.* Криминальная станица Кубани // Известия. 2010. 16 ноября. http://izvestia.ru/news/368059

[13] *Павловская Т.* Три из семи. Кубанские власти прислушались к рекомендациям Антикоррупционного форума лишь частично // Российская газета. 2010. 8 декабря. http://www.rg.ru/2010/12/08/reg-kuban/forum.html

[14] Убийство в Кущевской // Ведомости. 2010. 5 ноября. http://www.vedomosti.ru/tnews/news/1666/ubijstvo_v_kuschevskoj

Примечательно, что «Новая газета» в одной из своих публикаций отметила явление, обнаруженное нами ранее: Россия и медиаобраз России — несовпадающие, порой противоположные реалии. Для «Новой газеты» произошедшее в станице Кущевской не является чем-то уникальным: «*У всех, кто живет в России реальной, а не телевизионной, эта "новость" вызывает лишь перекос рта. Бандиты платят ментам — кто бы мог подумать?!*»[15].

На третьем месте в тематическом рейтинге — *кризис институтов управления страной*, ведущий к острой необходимости политических перемен. Подчас кризис квалифицируется как распад, крушение. Отметим сразу, что это крайне нехарактерный для СМИ ракурс рассмотрения региональных проблем. Обычно их анализ (если таковой присутствует) замыкается в конкретной точке на карте. Максимально данную проблему освещали «Независимая газета» (21,5%) и «Ведомости» (29%), минимально — «РИА «Новости» (4%), «Интерфакс» и «Коммерсантъ» (по 5%). СМИ пытались найти как частные примеры управленческого коллапса («*Люди все чаще осознают, что вся ответственность за их жизнь... лежит на них и ни на ком больше*»[16], «*Люди не верят власти, власть не верит людям*»[17]), так и характеристики происходящего в системе управления («*Страна по-прежнему существует в режиме ручного управления и оперативного реагирования*»)[18]. СМИ начали предрекать общенациональные социальные конфликты в случае, если в системе государственной власти не произойдет смены ориентиров: «*Если произойдет еще одно-два таких происшествия, в стране может сложиться революционная ситуация*»[19], «*Ситуация непременно повторится, и даже не один раз, если власть не проявит себя*»[20], «*Хаос начинается с паралича и дезорганизованности власти, главным следствием которого становится насилие,* "*война всех против всех*"»[21].

На четвертом месте стоит проблема *неэффективности работы местных органов власти*, по сути, проявляющая и подтверждающая

---

[15] *Бабченко А.* Атомная группировка // Новая газета. 2010. 10 декабря. http://www.novayagazeta.ru/data/2010/139/00.html

[16] *Харатьян К.* Цитата недели // Ведомости. 2010. 23 ноября. http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/250231/citata_nedeli

[17] Кущевское системное ЧП. Версия кровной мести неубедительна, но устраивает власть // Независимая газета. 2010. http://www.ng.ru/editorial/2010-11-25/2_red.html

[18] *Колесников А.* От Кущевской до Манежной мы проложим магистраль // Новая газета. 2010. 24 декабря. http://www.novayagazeta.ru/data/2010/145/00.html

[19] *Харатьян К.* Цитата недели // Ведомости. 2010. 23 ноября. http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/250231/citata_nedeli

[20] *Голик Ю.* Синдром Кущевки. Краснодарская станица как маленькое зеркало больших проблем // Независимая газета. 2010. 7 декабря. http://www.ng.ru/ng_politics/2010-12-07/9_kushevka.html

[21] *Орлов Д.* Вызов хаоса и ожидание порядка // Известия. 2010. 17 декабря. http://izvestia.ru/news/369359

общий политический кризис. Больше всего освещали эту проблему «Новая газета» и «Интерфакс» (по 16%). Меньше писала об этой проблеме «Российская газета» (4%). Отметим, что издание затрагивало только деятельность региональных властей, не покушаясь на авторитет федеральных. СМИ (кроме «Российской газеты») возложили ответственность за произошедшее в Кущевке не только на местную властную элиту, но и на тех, кто должен постоянно контролировать ее работу, т.е. федеральную власть, на самую сущность политического механизма. Одной из причин неэффективности местной власти СМИ называют проникновение криминала во все сферы жизни («*В ходе эволюции власти сами мутировали в цапков*»[22], «*Ситуация, когда... повторяются и остаются безнаказанными одинаковые преступления, с точки зрения ответственности власти может быть объяснена только двумя способами: либо власть не контролирует подотчетную территорию, либо сама замешана в том, что тут творится*»[23]).

Кроме того, медиа внимательно проследили за реакцией центра на произошедшее в Кущевке и не оставили незамеченным его признание в некоторой несостоятельности («*Механизмы государственной власти... как выразился премьер, давно вышли из строя. Это настолько самоочевидно, что и Владимир Владимирович это признал, сказав, что в ситуации в Кущевской «все органы власти оказались несостоятельны»*[24]).

Любопытно то, как информация о поведении и заявлениях губернатора края представлена в разных изданиях. Приведем фрагмент материала «Российской газеты» «Аресты продолжаются / В Кущевской задержаны майор милиции Александр Ходыч и член ОПГ по кличке Амур»[25]. О выступлении губернатора Краснодарского края в Законодательном собрании региона Александра Ткачева газета пишет, что он «*сделал сенсационное* (выделено мною. — *О.Ф.*) *заявление. Кубанский глава признался, что группировки, подобные кущевской, существуют в каждом районе Краснодарского края.* «*Бандочки создавались на наших глазах*», — сказал Ткачев, по словам которого, этому потакали в том числе и правоохранительные органы. «“*Ниточки поддержки ведут и на краевой уровень. Налицо предательство интересов края*”, — заявил губернатор». «РГ» оставляет

[22] *Никитинский Л.* Двоемыслие и криминальная эволюция // Новая газета. 2010. 15 декабря. http://www.novayagazeta.ru/data/2010/141/00.html

[23] От редакции: Станица Российская // Ведомости. 2010. 15 ноября. http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/249556/stanica_rossijskaya

[24] *Кучерская М.* Вечные ценности: Барин приехал // Ведомости. 2010. 17 декабря. http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/251959/barin_priehal

[25] *Ковалевская Е., Павловская Т.* Аресты продолжаются. В Кущевской задержаны майор милиции Александр Ходыч и член ОПГ по кличке Амур // Российская газета. 2010. 25 ноября. http://www.rg.ru/2010/11/24/reg-kuban/hodych.html

без комментария это заведомо ложное заявление. В то же время «Новая газета» в материале «Кубанский губернатор забыл, что знал о кущевской банде еще в 2005 году»[26] пишет: «*Власти не знали, что в станице Кущевской орудует банда, которая насилует девушек и убивает фермеров. С таким заявлением выступил кубанский губернатор Александр Ткачев. Но такое незнание выглядит фантастическим*». По-видимому, это риторический вопрос. Тем не менее газета «Ведомости» дала на него, на наш взгляд, один из самых исчерпывающих ответов: «*Трудно сомневаться в том, что в Краснодаре знали о ситуации в Кущевской. Но кого волнует, что в каком-то городке насилуют девушек, если власти заняты великой олимпийской стройкой*»[27]. «Ведомости» ставят под сомнение верность принятого властями решения: «*Власти отказывают чувство самосохранения и здравый смысл. Не принимая адекватных кадровых решений... Москва ставит под удар свою любимую Олимпиаду: эти люди продемонстрировали, что не способны контролировать ситуацию в собственном регионе...*»[28]. СМИ прямо указали на попустительство криминалу со стороны губернатора, а также на то, что центральная власть закрывает на это глаза.

Пятое место в рейтинге проблемных аспектов заняла проблема *нравственно-психологического неблагополучия российского общества.* Наибольший интерес данная проблема вызвала у «Новой газеты» (12%) и «Известий» (15,5%). Агентствами РИА «Новости» и «Интерфакс» проблема затрагивалась в 4% публикаций, агентством Regnum и «Российской газетой» — в 4,3 и 4,7% текстов соответственно. «Коммерсантъ», что примечательно, обошел ее в принципе. Цифры вызывают двойственное отношение: с одной стороны, нельзя не отметить, что этой важнейшей стороне трагедии было уделено внимание, с другой — «разруха в головах» только на пятом месте!

Говоря о проблеме, СМИ были поражены глубиной, крайними формами ментальных деформаций жителей станицы и осознали высочайшую опасность признания населением психологического права криминала замещать социальные институты. Журналисты пытаются понять внутренние законы кущевского общества и объяснить социальную апатию и неготовность прийти на помощь нуждающимся в защите: «*Даже родственники убитых, жившие напротив и слыша предсмертные крики, не отважились зайти в шестой*

---

[26] *Титов Е.* Кубанский губернатор забыл, что знал о кущевской банде еще в 2005 году // Новая газета. 2010. 18 ноября http://www.novayagazeta.ru/news/931651.html

[27] *Волков В.* Extra Jus: Нет «неприкасаемых» // Ведомости. 2010. 2 декабря. http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/250956/net_neprikasaemyh

[28] Персоны года — 2010 // Ведомости. 2010. 30 декабря. http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/252775/persony_goda_2010

дом.... Агентство "Центурион" наводило такой парализующий страх, что до сих пор жители станицы Кущевской боятся разговаривать с журналистами»[29].

Отметим, что так вели себя люди, которые знали, что их тоже могут убить или покалечить в любую минуту, и осознавали, что им также никто не придет на помощь. В такой ситуации выражение «человек человеку волк» может считаться чуть ли не лозунгом жизни в Кущевской. «*Даже сейчас, после страшного убийства, станица удивительно разобщена. Для станицы, пережившей страшное, удивительно мало сочувствия и желания услышать друг друга. Может быть, потому что никто не верит, что страшное уже позади*»[30]. На наш взгляд, мысль о том, что «страшное позади», несколько спорна, потому что ни СМИ, ни даже федеральная власть не могут прогнозировать, как пойдет жизнь в Кущевке дальше. Тотальный инстинктивный страх, как подметили медиа, настолько овладел местным обществом, что приди «цапки» вновь, вполне возможно, им снова никто не окажет сопротивления.

Хотя причины его устранены, сам ужас перешел на подсознательный уровень и вызвал изменения в их психологии, о чем свидетельствуют СМИ. Корреспондент «Известий» пишет: «*Накануне трагедии в Кущевской социологи провели там опрос, чтобы выяснить, насколько жители довольны своей повседневной жизнью. Оказалось, что в скандально известной станице, как и во всем Краснодарском крае, большинство граждан не имеют претензий к окружающей действительности*»[31].

Более того, жители Кущевской уже заранее боялись того, что будет, когда повышенное внимание СМИ к их станице пройдет и они вновь останутся один на один с коррумпированными местными органами власти и правопорядка и затаившимися криминальными структурами: «*Через 40 дней многие местные сомневаются, а было ли на самом деле убийство в Кущевской... Мне на полном серьезе объясняли, что всю эту бучу подняли вы, корреспонденты из Москвы. Мы жили хорошо. Никто не жаловался. И напоследок уже классическое:* "*Вы уедете, а нам тут жить*"»[32].

В сущности, подобная реакция жителей не должна была бы удивлять журналистов: «цапки» за 10 лет своего существования

---

[29] *Снегирев Ю.* Кущевские волки // Известия. 2010. 13 ноября. http://izvestia.ru/news/368020

[30] *Костюченко Е., Артемьева А.* «Нам здесь жить». Ч. I. Специальный репортаж из станицы Кущевской // Новая газета. 2010. 3 декабря. http://www.novayagazeta.ru/data/2010/136/00.html

[31] *Морозов А., Гритчин Н.* Жители Кущевской были счастливы // Известия. 2010. 9 декабря. http://izvestia.ru/news/368982

[32] *Снегирев Ю.* В Кущевской неспокойно // Известия. 2010 13 декабря. http://izvestia.ru/news/369097

успели воспитать себе достойную смену, которая может вновь поработить население и без руководства прежних главарей. «*Все молодые парни знали, что быть цапком — престижно и денежно*»[33], — свидетельствует «Новая газета». Она же пишет о том, что криминалитет обращал особое внимание на детей без родителей и «воспитывал» их: «*Нужно понимать, что всю сознательную жизнь этих ребят в станице правили цапки. И они просто не знают другой жизни*»[34].

Приведенная цитата раскрывает социальную проблему, которая существует на всем пространстве Российской Федерации. В ситуации, когда государство и семья не могут защитить детей, социальные лифты не работают, а слова «власть» и «коррупция» становятся синонимами, контроль над жизнью и сознанием подрастающего поколения берут в свои руки криминальные структуры. Банды дают подросткам реальную возможность продвинуться: обрести благосостояние, получить «уважение» окружающих, найти место в жизни, — все то, что не может предложить им государство. В обществе, где деньги решают все, получение прибыли становится жизненной необходимостью, и в этом вопросе все средства оказываются хороши. Все это лишний раз подтверждает то, что «*Кущевская — это имя нарицательное: полыхает по всей России — Энгельс, Гусь-Хрустальный, Березовск, Большая Талда...*»[35].

Подведем итоги. Осуществленный контент-анализ текстов СМИ можно считать продуктивным по нескольким основаниям. Одно из них относится непосредственно к квалификации событий, произошедших в станице. Кущевская стала медиаобразом, именем-символом, к которому СМИ продолжают обращаться: «*Кущевская — отнюдь не исключение в жизни России. Кущевская — это и есть Россия*»[36]. Рассмотрим основные его черты. *Во-первых,* СМИ, исследуя конкретное событие, показали, что насилие становится нормой существования, основным регулятором повседневного бытия. СМИ пришли к выводу, что практически в каждом населенном пункте есть свои «местные нормы», и можно только догадываться о степени их отличия от принятых международным сообществом политических и социальных норм («*Думаете, что это только у нас так... А вы знаете, что творится в Славянске-на-Кубани, в рисовых хозяйствах? Совсем недавно там четырех человек*

---

[33] *Костюченко Е., Артемьева А.* «Нам здесь жить». Ч. I. Специальный репортаж из станицы Кущевской // Новая газета. 2010. 3 декабря. http://www.novayagazeta.ru/data/2010/136/00.html

[34] Указ. соч.

[35] Персоны года — 2010 // Ведомости. 2010. 30 декабря. http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/252775/persony_goda_2010

[36] *Бабченко А.* Атомная группировка // Новая газета. 2010. 10 декабря. http://www.novayagazeta.ru/data/2010/139/00.html

порешили. Сказали, что на бытовой почве. Что-то не верится. То же самое в Ленинградском районе, в Павловском...»[37]).

Во-вторых, СМИ выяснили, что власть не владеет инструментами разрешения проблемных ситуаций: «*На Кубани два десятка лет влачило примитивно-инстинктивное существование целое сообщество людей. Сложно проиллюстрировать государственное бессилие ярче...*»[38]. «*Государство шаг за шагом стало терять монополию на применение силы, которая является важнейшей его характеристикой*»[39].

В-третьих, медиаобраз Кущевки свидетельствует о том, что социальная апатия и разобщенность приобрели массовый характер: «*Резня в Кущевской — страшная трагедия. Но еще страшнее осознание того, почему резня стала возможна. Мы тешили себя иллюзией, что мы великий народ, который долго терпит, но уж если кто тронет нашу мать-сестру-подругу — тут-то мы и выйдем всем миром... Но мы оказались не народом — мы оказались населением. А как бороться, если против тебя бандиты вместе с ментами, а закон больше не работает?*»[40].

В-четвертых, СМИ подчеркивают, что общество открывает для себя масштабы внутренней катастрофы страны: «*Несмотря на все усилия... скрыть масштабы и природу этого явления, общество увидело за этим событием результат трансформации бесконтрольной коррумпированной власти в мафиозное образование, где самым тесным образом переплетены отношения между местной и краевой администрацией и бизнесом, структурами "Единой России", правоохранительными органами и "настоящими" бандитами*»[41].

Качество и характер выводов, сделанных СМИ, позволяет констатировать некоторые подвижки в информационной политике общероссийских СМИ по отношению к регионам. *С одной стороны*, нашли подтверждение черты региональной повестки, обозначенные выше: неполнота, стихийность формирования, депроблематизация, несбалансированность и т.д. — иначе почему, несмотря на то что информация о вопиющих фактах в Кущевке была опубликована в «Российской газете» еще в 2005 г.[42], никто из журналистов федеральных СМИ не поехал в Краснодарский край выяс-

---

[37] *Гагай К.* В Кущевской все еще страшно // Известия. 2010. 30 декабря. http://izvestia.ru/news/369852

[38] *Минин С.* И быть тишина. «Цапократия» в Кущевке: почему они молчали? // Независимая газета. 2010. 9 декабря. http://www.ng.ru/columnist/2010-12-09/100_capocracy.html

[39] Утрата горизонта // Известия 2010. 23 декабря.

[40] Персоны года — 2010 // Ведомости. 2010. 30 декабря. http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/252775/persony_goda_2010

[41] *Гудков Л.* Новогодний баланс: Без будущего // Ведомости. 2010. 12 декабря. http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/252911/bez_buduschego

[42] См.: *Титов Е.* Кубанский губернатор забыл, что знал о кущевской банде еще в 2005 году // Новая газета. 2010. 18 ноября. http://www.novayagazeta.ru/news/931651.html

нять подробности? Жизнь в многочисленных кущевках, скрытая от глаз всего общества, процессы, исподволь накапливавшиеся в течение десятилетий и не привлекавшие внимания СМИ (пока «гром не грянул»), действительно породили чудовищные деформации, которые повергли в шок даже привыкшее к аномалиям российское общество.

Но, *с другой стороны*, внимание к событиям 2010 г., пусть и запоздалое, вывело СМИ на новый уровень освещения региональной проблематики. Суммируя эти изменения, можно выделить следующее:

— российские медиа смогли увидеть за частным случаем общие проблемы, осознали критический уровень насилия в структуре общественных отношений. События в станице Кущевская привлекли внимание общества к проблеме институционального насилия, к жизни регионов, в наибольшей степени подверженной насилию;

— количественные характеристики свидетельствуют о сбалансированности политико-правового и нравственно-психологического дискурсов как в количественном (по числу текстов), так и в качественном плане (жанры публикаций и способ освещения темы). Ранее наблюдалась предметно-тематическая диспропорциональность;

— качественный анализ текстов выявил признание со стороны СМИ первичности ценностных ориентиров для организации общественной жизни, что можно было бы считать новым основанием для оценки всех региональных процессов, констатацией ошибочности доминировавших ранее принципов освещения жизни регионов.

Итак, проведенный нами анализ медиарепрезентаций трагических событий в станице Кущевской позволил выявить ряд новых подходов к освещению региональной проблематики в общероссийских СМИ. Пока рано говорить о том, получат ли они развитие и смогут ли повлиять на медиаобраз глубинной России в целом, на коррекцию региональной политики. Очевидно одно — потребность в этом давно назрела.

Список литературы

Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Эксмо, 2008.

Глазычев В.Л. Глубинная Россия: 2000—2002. М.: Новое издательство, 2005.

Государственно-территориальное устройство России (экономические и правовые основы) / Под ред. А.Г. Гранберга, В.В. Кистанова. М.: Издательско-консалтинговое предприятие «ДеКА», 2003.

Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза, 2004.

Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Лихачев Д.С. Русская культура. СПб.: Искусство-СПб., 2007.

Реснянская Л.Л., Фомичева И.Д. Газета для всей России. М.: Ф-т журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; Изд-во ИКАР, 1999.

Типология периодической печати / Под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. М.: Аспект-Пресс, 2007.

Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М.: Дело, 2000.

Фокина О.А. Новости регионов в сообщениях информационных агентств // Журналистика в 2010 году: СМИ в публичной сфере: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 7—9 февраля 2011 г. М.: Ф-т журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, Изд-во Моск. ун-та, 2011.

Фомичева И.Д. Социология СМИ. М.: Аспект Пресс, 2007.

Чрезвычайная ситуация на страницах газет: сенсация или социальная проблема? (по следам события) / Сост. и ред. С.К. Шайхитдинова. Казань: Мастер Лайн, 2002.

Поступила в редакцию
04.07.2011